

Проблемы деятельности адвокатов при осуществлении защиты по уголовным делам в отношении жертв домашнего насилия

Злата Михайловна Берёза, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
аспирант; e-mail: zlata_br96@mail.ru.

Аннотация

Статья посвящена проблемам, возникающим в деятельности адвокатов при оказании юридической помощи жертвам домашнего насилия, которым были предъявлены обвинения в причинении вреда жизни и здоровью своих обидчиков. В качестве основной стратегии защиты по таким уголовным делам рассматривается самооборона (необходимая оборона). Автор сравнивает законодательные подходы и особенности правоприменительной практики, возникающие при использовании данной стратегии на отечественном и зарубежном опыте (на примере США), отдельно останавливаясь на случаях, когда самооборона имела место вне открытого конфликта (в неконфронтационных обстоятельствах). На основе анализа подходов к данной проблеме в зарубежных юрисдикциях автор предлагает и в российской практике использовать доказательства, подтверждающие историю домашнего насилия и психологические травмы, которые они вызывают у жертвы, в таких категориях дел, чтобы подтвердить соответствие поведения жертвы насилия критериям необходимой обороны.

Ключевые слова: домашнее насилие; насилие в семье; необходимая оборона; самооборона; правозащитная деятельность.

Problems of the Activity of Lawyers in Protection in Criminal Cases in Respect of Victims of Domestic Violence

Zlata M. Beryoza, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)
Graduate student; e-mail: zlata_br96@mail.ru.

Abstract

The article is devoted to the problems that arise in the activities of lawyers in providing legal assistance to victims of domestic violence who were charged with causing harm to the life and health of their offenders. Self-defense (necessary defense) is considered as the main defense strategy in such criminal cases. The author compares legislative approaches and features of law enforcement practice that arise when using this strategy on domestic and foreign experience (using the example of the United States), dwelling separately on cases where self-defense took place outside an open conflict (in non-confrontational circumstances). Based on the analysis of approaches to this problem in foreign jurisdictions, the author proposes in Russian practice to use evidence confirming the history of domestic violence and the psychological trauma they cause in the victim in such categories of cases in order to confirm the compliance of the behavior of the victim of violence with the criteria for necessary defense.

Keywords: domestic violence; domestic violence; necessary defense; self-defense; human rights activities.

Проблема домашнего насилия и надлежащих форм правовой реакции на данное явление является одной из наиболее актуальных в современной правоохранительной и правозащитной деятельности. Несмотря на усилия государств по повышению качества борьбы с насилием в семье, распространенность его по-прежнему велика^{1, 2}, а пострадавшие до сих пор не всегда получают необходимую помощь.

¹ Проведенное в 2014 г. исследование показало, что во многих европейских странах (Дания, Финляндия, Франция) 25–45 % опрошенных женщин подвергались домашнему насилию.

² Violence Against Women: An Eu-Wide Survey. Main results report. Dated of 3 March 2014. URL: <https://fra.europa.eu/en/publications-and-resources/data-and-maps/survey-data-explorer-violence-against-women-survey> (дата обращения: 16.04.2021).

Невмешательство или неэффективность действий государства в подобных ситуациях часто приводит к смерти жертвы или самого нападавшего. Одной из ярких иллюстраций этой печальной тенденции является история сестер Хачатурян, обвиненных в убийстве своего спящего отца, который подвергал их физическому, сексуальному и психологическому насилию³. Эта история породила общественное обсуждение многих вопросов, связанных с феноменом домашнего насилия. Правовая дискуссия развернулась в числе прочего вокруг допустимости использования стратегии необходимой обороны в случаях, когда жертвы насилия совершают преступление в обстоятельствах, в которых обидчик не представляет для них непосредственной угрозы.

Совершенные в подобных обстоятельствах⁴ преступления, получившие в англоязычной литературе название *неконфронтационных (non-confrontational)*, представляют собой частое явление не только в отечественной, но и в зарубежной практике^{5,6} и именно они вызывают наибольшие сложности с точки зрения их квалификации. К таким сложностям, возникающим при оказании юридической помощи жертвам насилия в рамках возбужденных в отношении них уголовных дел, предлагается обратиться в настоящей работе. Так как названные затруднения испытывают и отечественные, и зарубежные юристы, представляется важным проанализировать в данной связи и опыт иностранных правовых порядков. В качестве примера такового нами были выбраны Соединенные Штаты Америки, где наиболее рано обнаружили рассматриваемые проблемы и были предложены успешные способы их решения.

В США при рассмотрении уголовных дел, в которых жертва домашнего насилия совершает преступление в отношении своего обидчика, наиболее частой стратегией защиты является *самооборона (self-defense)*. Между тем она не до конца приспособлена к представлению интересов пострадавших от насилия, и стороне защиты не всегда удается добиться оправдания или снисхождения для таких обвиняемых⁷.

Проблематичность применения стратегии самообороны обуславливается строгостью правовых стандартов, которым должна удовлетворять правовая ситуация для успешного к ней обращения. Среди них — доказанность «разумной уверенности» в непосредственности и реальности угрозы совершения в отношении обороняющегося лица уголовно наказуемого деяния, а также применения жертвой для отражения нападения только такой силы, которая была бы пропорциональна степени и характеру возможного вреда⁸. И если в ситуации открытого столкновения между обидчиком и его жертвой толкование указанных условий, при должном учете истории насилия в семье, не представляет особых сложностей⁹, то вне такого конфликта использование данной защиты бывает затруднено.

Кроме того, в некоторых штатах успешная апелляция к самообороне требует соблюдения условия «безопасного отступления» (*duty to retreat*), согласно которому лицо, которому угрожают, не может нанести вред своему агрессору, если у него есть возможность «отступить» в безопасное место¹⁰, то есть покинуть место проживания или обратиться за помощью.

Между тем в делах о домашнем насилии такое требование едва ли может быть оправдано. Во-первых, несмотря на комплексный подход властей США в вопросе защиты жертв насилия в семье, здесь практическая эффективность до сих пор оценивается неоднозначно. Во многих случаях семейного насилия, закончившихся убийством, пострадавшие пытались получить помощь от третьих лиц, в том числе государства, однако меры не были эффективны¹¹.

Во-вторых, при анализе допустимости требования «безопасного отступления» в делах о домашнем насилии важно учитывать поведение участников конфликта. Так, для многих жертв насилия характерно такое свойство ментального состояния, как синдром «выученной беспомощности»¹², предполагающий, что, находясь под длительным травмирующим воздействием агрессивных действий со стороны близкого лица, они воспринимают насилие как нечто неизбежное и прекращают попытки положить ему конец. Также объективная затруднительность ухода из таких отношений может быть вызвана чувством страха, отсутствием материальных средств, боязнью за судьбу детей, любовью к партнеру, стыдом, изолированностью от внешнего мира¹³. Не менее важна и реакция самого агрессора на

³ Их жизни хотят доломать. Решение — за присяжными. 31 августа в Мосгорсуде начнется отбор коллегии по делу сестер Хачатурян // Новая газета, 2020. № 94. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/31/86892-ih-zhizni-hotyat-dolomat> (дата обращения: 17.12.2020).

⁴ Когда обидчик спит, находится в незащищенном состоянии, и активный конфликт между сторонами отсутствует.

⁵ Убийства детьми своих родителей, как правило, совершаются, когда последние находятся в наиболее уязвимом положении.

⁶ Mones P. A. When a Child Kills: Abused Children Who Kill Their Parents. Pocket Books, 1991. P. 14.

⁷ Weskallies S. Abuse Victims Who Kill and the New Rehabilitation Model. Mich. St. L. Rev. 2018. P. 454–455.

⁸ Goldman L. E. Nonconfrontational Killings and the Appropriate Use of Battered Child Syndrome Testimony: The Hazards of Subjective Self-Defense and the Merits of Partial Excuse. Case Western Reserve Law Review. 1995. Vol. 45. Iss. 1. Article 5. P. 187–188.

⁹ Maguigan H. Battered Women and Self-Defense: Myths and Misconceptions in Current Reform Proposals. U. Pa. L. Rev. 1991. Vol. 140. No. 2. P. 382.

¹⁰ Nourse V. F. Self-Defense and Subjectivity. University of Chicago Law Review. 2001. Vol. 68. Iss. 4. Article 3. P. 1284.

¹¹ См.: Wallace S. Beyond Imminence: Evolving International Law and Battered Women's Right to Self-Defense. University of Chicago Law Review. 2004. Vol. 7. Iss. 4. Article 12. P. 1775; Kinports K. So Much Activity, So Little Change: A Reply to the Critics of Battered Women's Self-Defense. St. Louis University Public Law Review. 2004. Vol. 23. No. 155. P. 159.

¹² См.: Kinports K. So Much Activity, So Little Change: A Reply to the Critics of Battered Women's Self-Defense. St. Louis University Public Law Review. 2004. Vol. 23. No. 155. P. 168; Dressler J. Battered Women and Sleeping Abusers: Some Reflections. Ohio State Journal of Criminal Law. 2006. Vol. 3. P. 463.

¹³ Walker L. E. Battered Women: A Psychosociological Study of Domestic Violence. Harper & Row, 1979. P. 49–50, 64–69, 127–149.

стремление жертвы выйти из-под его контроля, что, как правило, эскалирует конфликт, создавая реальную угрозу жизни и здоровью¹⁴. Это делает требование «отступить» смертельно опасным для лица, страдающего от насилия в семье, не только налагая чрезмерно высокое бремя на сторону защиты при использовании стратегии самообороны, но и утверждая мифы и стереотипы о домашнем насилии, и потому такое требование редко находит законодательное закрепление и критикуется в научной литературе.

Что касается иных условий для использования стратегии самообороны, на практике сложности возникают в интерпретации критерия «непосредственности и реальности нападения». Его буквальное толкование запрещает применять самооборону превентивно или по прошествии времени после акта насилия, так как считается, что в таком случае жертва опасается будущей агрессии или мстит за уже совершенное в отношении нее насилие¹⁵. Между тем представляется, что соответствие поведения жертвы насилию критерию «непосредственности и реальности нападения» должно оцениваться с позиций самой жертвы. Так, вследствие пережитого опыта пострадавшие от насилия более чувствительны, точнее предсказывают вероятность грядущей атаки и степень ее интенсивности, нежели человек, не имеющий такого опыта. Кроме того, так как статистически большинство жертв насилия составляют женщины, которые менее развиты физически, чем их обидчики, возможность защищаться в момент активного столкновения сопряжена для них с риском для жизни. Несмотря на важность этих соображений, они не всегда принимаются судьями как достаточные для признания действий обвиняемых совершенными в обстоятельствах самообороны.

Вторая проблема заключается в толковании критерия «разумной убежденности» в необходимости применения силы. В американском праве стандарт «разумной убежденности», как правило, имеет объективный характер¹⁶, то есть при определении соответствия поведения лица указанному стандарту профессиональный судья или коллегии присяжных должны ориентироваться на некое среднее значение поведения разумного гражданина, с тем чтобы определить, поступил бы он в аналогичных обстоятельствах так, как это сделал обвиняемый, и было бы разумно ожидать от него такого поведения. Это затрудняет деятельность стороны защиты по уголовному делу, исключая или ограничивая представление доказательств, свидетельствующих об истории насилия в семье и позволяющих подтвердить, что в обстоятельствах домашнего насилия пострадавшие субъективно воспринимают обстановку совсем иначе, чем среднестатистический гражданин, не имеющий подобного опыта.

Предложения, которые выдвигаются для решения вышеназванных проблем, предполагают изменение существующих стандартов в пользу менее строгого их толкования. Одним из средств достижения данной цели является представление доказательств, свидетельствующих об истории насилия и негативном влиянии на психологию и поведенческие особенности жертвы. Подобные психологические травмы иногда приводят к возникновению у обороняющегося лица так называемого синдрома избитой женщины¹⁷ (*battered women syndrome, BWS*)¹⁸, доказательства существования которого у жертвы насилия почти повсеместно принимаются в ходе судебных разбирательств по подобным категориям дел¹⁹. Их использование позволяет без внесения изменений в существующие стандарты скорректировать практику их применения в пользу большего благоприятствования пострадавшим от домашнего насилия. В частности, они позволяют объяснить, почему жертвы не могут покинуть агрессора, обратившись за помощью к третьим лицам, и почему для них кажется разумным причинить вред насильнику даже в обстоятельствах, с очевидностью этого не требующих²⁰.

Между тем использование доказательств наличия BWS также не лишено критики, в частности, за создание определенного образа жертвы, который необходимо представить в суде для успешного использования стратегии самообороны. Такой подход может являться дискриминационным для лиц, не соответствующих этому образу, например финансово независимых женщин, которых коллегии присяжных обычно неохотно воспринимает как «беспомощных»²¹. Для решения этой проблемы и в качестве альтернативного объяснения поведения жертвы насилия была разработана теория «активного выживания» (*active survivor's theory*), которая фокусируется не на состоянии жертвы, а на внешних факторах (доминирующее поведение обидчика, правовые и культурные стигмы и т. д.), объясняющих особенности ее поведения. В ее основе лежит идея о том, что пострадавший не уходит из отношений насилия не из-за своей пассивности, а потому что попытки их покинуть не были успешны. Преимущество данной теории в том, что она объясняет многообразие поведенческих реакций на насилие, а также позволяет нивелировать дискриминационный характер отношения к жертвам как к лицам с расстройствами психики²².

¹⁴ *Kinports K.* Op. cit. P. 158.

¹⁵ *Goldman L. E.* Op. cit. P. 208–213.

¹⁶ *Goldman L. E.* Op. cit. P. 197–198.

¹⁷ *Walker L. E.* Op. cit.

¹⁸ Ввиду того, что статистически большинство пострадавших составляют женщины.

¹⁹ The Validity and Use of Evidence Concerning Battering and Its Effects in Criminal Trials: Report Responding to Section 40507 of the Violence Against Women Act. U.S. Department of Justice, May 1996. URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles/batter.pdf> (дата обращения: 16.04.2021).

²⁰ *Dressler J.* Op. cit. P. 463.

²¹ *Kinports K.* Op. cit. P. 173.

²² *Kinports K.* Op. cit. P. 175–176; *Bejenaru A.* Battered Women: Victims or Survivors? *Social Change Review*. 2011. No. 9 (1). P. 43–44.

Подводя промежуточный итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Во-первых, американское законодательство не имеет специального регулирования рассмотрения и разрешения уголовных дел о преступлениях, совершенных в обстоятельствах домашнего насилия. Во-вторых, существующие общие механизмы критикуются за их невысокую адаптивность и частую неспособность учесть обстановку насилия, в которой находилась жертва, а также влияние, которое оно оказало на ее психологическое состояние. Наконец, в качестве основной проблемы правовой реакции на преступления, совершаемые жертвами домашнего насилия, является стереотипное отношение к пострадавшим и непонимание их психологии. Профессиональному судье и коллегии присяжных бывает трудно понять, а стороне защиты — объяснить, почему жертва не покинула своего обидчика или не обратилась за помощью. В качестве возможного решения данной проблемы предлагается использование доказательств, свидетельствующих о наличии BWS у обвиняемого и последствий, которые оказывает данный синдром на поведенческие особенности лица, им страдающего.

В российской судебной практике во многих историях жертв насилия, обвиняемых в преступлениях в отношении своих обидчиков, также встает вопрос о совершении преступления в условиях необходимой обороны. Между тем практическое применение данной стратегии критикуется в юридическом сообществе, причем многие из таких критических замечаний приобретают особую актуальность в обстоятельствах домашнего насилия.

Так, например, на практике зачастую утверждается, что лицо не находилось в состоянии необходимой обороны, так как не был установлен факт совершения общественно опасного посягательства. Между тем некоторые деяния не оставляют следов или других свидетельств их наличия, что затрудняет доказывание, но не означает, что посягательство не совершалось²³. Сказанное особо справедливо в случаях, когда причинение вреда предвлялось не преступлением, а угрозой его совершения. В этой связи важно отметить, что, хотя угроза убийством закреплена в качестве самостоятельного состава преступления, печально известно нежелание правоохранительных органов реагировать на такие заявления пострадавших, особенно если таковые имели место в ходе семейного конфликта^{24, 25}.

Еще одним примером распространенной ошибки является квалификация деяний как совершенных с превышением пределов необходимой обороны в обстоятельствах, когда она должна признаваться беспредельной и лицо не должно подлежать уголовной ответственности. Так, в одном из подобных дел обидчик нанес своей супруге Т. телесные повреждения и, угрожая убийством, начал выталкивать ее на балкон. Данные действия Т. восприняла как реальную и непосредственную угрозу жизни и, пытаясь защитить себя, нанесла супругу ножовое ранение, за что впоследствии была осуждена со ссылкой на превышение пределов необходимой обороны²⁶.

Помимо проблем, уникальных для российского правопорядка, отечественное право сталкивается и с теми, что известны иностранным юрисдикциям. Так, уже рассмотренное нами требование «безопасного отступления», отвергнутое американскими коллегами в делах о домашнем насилии, встречается и в отечественной правоприменительной практике. В одном из подобных уголовных дел К. была осуждена в соответствии с ч. 1 ст. 108 УК РФ за убийство при превышении пределов необходимой обороны, и одним из условий, в силу которого К. была признана виновной, являлось то обстоятельство, что она, имея возможность оставить место происшествия бегством, не сделала этого и нанесла С. удар ножом^{27, 28}.

Возвращаясь к ситуации, когда пострадавший от насилия причиняет вред своему обидчику в неконфронтационных обстоятельствах, стоит отметить, что наибольшие сложности для стороны защиты представляет доказывание соответствия действий обвиняемого темпоральным критериям, предъявляемым к необходимой обороне. В частности, затруднительным представляется установление наличия посягательства и корреспондирующего ему условия своевременности защиты, так как считается, что необходимая оборона недопустима от действий, которые не влекут неминуемого наступления вреда²⁹. Таким образом, отечественное правовое регулирование, по-видимому, не допускает применение силы в отсутствие непосредственной и реальной угрозы, то есть превентивно, и насильственные действия жертвы насилия по отношению к обидчику в неконфронтационных обстоятельствах не могут быть квалифицированы как необходимая оборона.

²³ Дорогин Д. А. Квалификационные ошибки в установлении условий правомерности необходимой обороны // Уголовное право, 2020. № 1. С. 22–31.

²⁴ Хорошо известна история погибшей от рук своего бывшего супруга Анны Овчинниковой, которая незадолго до своей смерти дважды сообщала в полицию об угрозах убийством, но в возбуждении уголовного дела было отказано со ссылкой на отсутствие достаточных доказательств совершения общественно опасного деяния. При этом даже после убийства в части обвинений в рамках ст. 119 УК РФ бывший супруг пострадавшей был оправдан.

²⁵ Приговор Верховного суда Чувашской Республики от 11 июля 2019 г. № 2-07/2019. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/10436105#10436105> (дата обращения: 17.12.2020).

²⁶ Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 26 июня 2017 г. по делу № 1-288/17. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/cases/docs/content/15043961-fbc6-48eb-b8e1-c6ec9e7c0f26> (дата обращения: 16.04.2021); Апелляционное определение Московского городского суда от 7 августа 2015 г. по делу № 10-9630. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/27a6530b-047f-4947-b11d-5cfd01d95553> (дата обращения: 16.04.2021).

²⁷ Впоследствии данное судебное решение было пересмотрено.

²⁸ Постановление Президиума Московского городского суда от 18 мая 2000 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 6. СПС «Консультант Плюс».

²⁹ Смирнов А. М., Баранова Е. А. Необходимая оборона и ее отграничение от внесудебных криминальных форм защиты прав и свобод личности (самосуда) // Российский следователь, 2016. № 10. С. 38–40.

При этом самостоятельный интерес в этой связи представляет вопрос о том, насколько превентивная оборона в принципе необходима и допустима в таких делах не только с правовых, но и этических позиций. С одной стороны, использование превентивной обороны основано лишь на вероятностном суждении о возможном продолжении насилия, которое может не оправдаться³⁰, с другой — эмпирические данные не подтверждают этот тезис. Напротив, практика показывает, что систематическое насилие в семье без своевременного вмешательства зачастую завершается смертью одного из участников конфликта. Учитывая то, что попытки жертвы покинуть своего агрессора увеличивают угрозу ее жизни, а правоохранительная система не всегда способна помочь в отражении такой угрозы, допустимость превентивной самообороны кажется одним из приемлемых сценариев, позволяющих обеспечить соблюдение прав пострадавших от насилия, вынужденных брать их защиту в собственные руки.

Однако идея превентивной самообороны порождает этическую дилемму, предполагая необходимость выбора между равнозначными ценностями — жизнями обидчика и жертвы, причем в ситуации, когда непосредственно жизни жертвы ничего не угрожало. При этом едва ли можно признать оправданным возможность прибегнуть к самозащите, допускающей причинение смерти предполагаемому обидчику, в условиях, когда последний не представляет непосредственной угрозы для жизни и здоровья жертвы, только потому что государство в лице правоохранительных органов оказалось неуспешно в обеспечении своей правоохранительной функции, в особенности учитывая то, как неохотно жертвы насилия обращаются к помощи государства. Таким образом, представляется, что применение такого подхода в неконфронтационных обстоятельствах если и допустимо, то не в качестве универсального, и возможность его использования в каждом конкретном случае должна оцениваться с максимальной осторожностью.

Анализируя российскую судебную практику по уголовным делам против жертв насилия, можно прийти к выводу, что суды не склонны учитывать историю насилия и систематичность причиняемого жертве вреда в качестве заслуживающих внимания обстоятельств с точки зрения оценки обвиняемой реальности и непосредственности исходящей от агрессора угрозы. Так, в большинстве проанализированных решений даже термины «домашнее насилие» или «насилие в семье» не используются, а сами ситуации, следствием которых стало причинение вреда жизни и здоровью обидчику, зачастую признаются возникшими «на почве личных неприязненных отношений»³¹. Такой подход в целом укладывается в риторику отечественного законодателя о том, что дела о домашнем насилии не требуют специальных форм правовой реакции со стороны системы уголовной юстиции, однако существенно снижает уровень защищенности жертв насилия и справедливости разрешения соответствующих уголовных дел.

Также судебная практика показывает, что в деятельности адвокатов-защитников не находит повсеместной поддержки практика привлечения специалистов, способных представить профессиональное мнение о психологических особенностях жертв домашнего насилия и наиболее типичных поведенческих реакциях на него. Это может быть объяснено особенностями назначения судебных экспертиз и стесненными возможностями стороны защиты в представлении альтернативных экспертных суждений в уголовном процессе. Между тем в свете предложений по совершенствованию состязательности уголовного судопроизводства³², которые касаются, среди прочего, использования заключений и показаний специалистов, указанная практика может быть скорректирована в пользу более частого использования таких доказательств. Представление заключений и показаний экспертов о травматичности опыта пережитого насилия в семье и его влияния на психологию и поведение жертв особенно важно для преступлений, совершенных в неконфронтационных обстоятельствах. Это способствует преодолению стереотипов, стигматизирующего отношения к пострадавшим и вынесению более справедливых решений.

Таким образом, российское законодательство и судебная практика о необходимой обороне страдает недостатками, затрудняющими деятельность адвокатов, представляющих интересы обороняющегося, в том числе при рассмотрении уголовных дел против жертв домашнего насилия, обвиняемых в совершении преступлений в отношении своих обидчиков. Кроме того, обстоятельства домашнего насилия порождают дополнительные проблемы в данной связи, часть из которых характерна только для отечественного права (нежелание признавать уголовно-наказуемый характер в действиях обидчика), тогда как иные свойственны и для иностранных юрисдикций (вопрос о допустимости превентивной самообороны). Между тем российская судебная практика, в отличие от зарубежной, не отделяет причинение вреда жертвами домашнего насилия, особенно в неконфронтационных обстоятельствах, от любых других преступлений, совершенных с применением необходимой обороны, что не позволяет учитывать психологические и поведенческие особенности обвиняемых в целях более справедливого рассмотрения и разрешения таких уголовных дел. В качестве перспективы в деятельности адвокатов-защитников видится расширение использования показаний специалистов, позволяющих представить соответствующую информацию судьям и присяжным заседателям.

³⁰ *Goldman L. E.* Op. cit. P. 208.

³¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 7 августа 2015 г. по делу № 10-9630. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/27a6530b-047f-4947-b11d-5cfd01d95553> (дата обращения: 16.04.2021).

³² Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления дополнительных гарантий реализации принципа состязательности сторон)». URL: <https://regulation.gov.ru/projects?fbclid=IwAR2hvhxPKyCdlzWDRha2t2yErKb56VxTDxUROad2lCsRltglVuCLrJLlmc#nra=107783> (дата обращения: 16.04.2021).

Литература

1. *Дорогин Д. А.* Квалификационные ошибки в установлении условий правомерности необходимой обороны // Уголовное право, 2020. № 1. С. 22–31.
2. *Смирнов А. М., Баранова Е. А.* Необходимая оборона и ее отграничение от внесудебных криминальных форм защиты прав и свобод личности (самосуда). Российский следователь, 2016. № 10. С. 38–40.
3. *Bejenaru A.* Battered Women: Victims or Survivors? Social Change Review. 2011. No. 9 (1). P. 41–66.
4. *Dressler J.* Battered Women and Sleeping Abusers: Some Reflections. Ohio State Journal of Criminal Law. 2006. Vol. 3. P. 457–471.
5. *Goldman L. E.* Nonconfrontational Killings and the Appropriate Use of Battered Child Syndrome Testimony: The Hazards of Subjective Self-Defense and the Merits of Partial Excuse. Case Western Reserve Law Review. 1995. Vol. 45. Iss. 1. Article 5. P. 185–249.
6. *Kinports K.* So Much Activity, So Little Change: A Reply to the Critics of Battered Women's Self-Defense. St. Louis University Public Law Review. 2004. Vol. 23. No. 155. P. 155–192.
7. *Maguigan H.* Battered Women and Self-Defense: Myths and Misconceptions in Current Reform Proposals. U. Pa. L. Rev. 1991. Vol. 140. No. 2. P. 379–485.
8. *Mones P. A.* When a Child Kills: Abused Children Who Kill Their Parents. Pocket Books, 1991. 331 p.
9. *Nourse V. F.* Self-Defense and Subjectivity. University of Chicago Law Review. 2001. Vol. 68. Iss. 4. Article 3. P. 1235–1308.
10. The Validity and Use of Evidence Concerning Battering and Its Effects in Criminal Trials: Report Responding to Section 40507 of the Violence Against Women Act. U.S. Department of Justice, May 1996. URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles/batter.pdf> (дата обращения: 16.04.2021).
11. *Walker L. E.* Battered Women: A Psychosociological Study of Domestic Violence. Harper & Row, 1979. 270 p.
12. *Wallace S.* Beyond Imminence: Evolving International Law and Battered Women's Right to Self-Defense. University of Chicago Law Review. 2004. Vol. 71. Iss. 4. Article 12. P. 1749–1781.
13. *Weskalnies S.* Abuse Victims Who Kill and the New Rehabilitation Model. Mich. St. L. Rev. 2018. P. 451–511.

References

1. Dorogin, D. A. Qualification Errors in Establishing the Conditions for the Legitimacy of the Necessary Defense [Kvalifikatsionnye oshibki v ustanovlenii usloviy pravomernosti neobkhodimoy oborony]. Criminal Law [Ugolovnoe pravo]. 2020. No. 1. P. 22–31.
2. Smirnov, A. M., Baranova, E. A. Necessary Defense and Its Delimitation From Extrajudicial Criminal Forms of Protection of The Rights and Freedoms of The Individual (Lynching) [Neobkhodimaya oborona i ee otgranichenie ot vnesudebnykh kriminal'nykh form zashchity prav i svobod lichnosti (samosuda)]. Russian Investigator [Rossiyskiy sledovatel']. 2016. No. 10. P. 38–40.
3. Bejenaru, A. Battered Women: Victims or Survivors? Social Change Review. 2011. No. 9 (1). P. 41–66.
4. Dressler, J. Battered Women and Sleeping Abusers: Some Reflections. Ohio State Journal of Criminal Law. 2006. Vol. 3. P. 457–471.
5. Goldman, L. E. Nonconfrontational Killings and the Appropriate Use of Battered Child Syndrome Testimony: The Hazards of Subjective Self-Defense and the Merits of Partial Excuse. Case Western Reserve Law Review. 1995. Vol. 45. Iss. 1. Article 5. P. 185–249.
6. Kinports, K. So Much Activity, So Little Change: A Reply to the Critics of Battered Women's Self-Defense. St. Louis University Public Law Review. 2004. Vol. 23. No. 155. P. 155–192.
7. Maguigan, H. Battered Women and Self-Defense: Myths and Misconceptions in Current Reform Proposals. U. Pa. L. Rev. 1991. Vol. 140. No. 2. P. 379–485.
8. Mones, P. A. When a Child Kills: Abused Children Who Kill Their Parents. Pocket Books, 1991. 331 p.
9. Nourse, V. F. Self-Defense and Subjectivity. University of Chicago Law Review. 2001. Vol. 68. Iss. 4. Article 3. P. 1235–1308.
10. The Validity and Use of Evidence Concerning Battering and Its Effects in Criminal Trials: Report Responding to Section 40507 of the Violence Against Women Act. U.S. Department of Justice, May 1996. URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles/batter.pdf> (accessed date: 16 April 2021).
11. Walker, L. E. Battered Women: A Psychosociological Study of Domestic Violence. Harper & Row, 1979. 270 p.
12. Wallace, S. Beyond Imminence: Evolving International Law and Battered Women's Right to Self-Defense. University of Chicago Law Review. 2004. Vol. 71. Iss. 4. Article 12. P. 1749–1781.
13. Weskalnies, S. Abuse Victims Who Kill and the New Rehabilitation Model. Mich. St. L. Rev. 2018. P. 451–511.